

ISSN 2542-2332

2018 №3 (16)

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2018

Издание основано в 2007 г.

Главный редактор:

П. К. Дашиковский, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционная коллегия:

- К. М. Байпаков, доктор исторических наук, академик АН РК (Казахстан, Алма-Ата)
С. А. Васютин, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)
Н. Л. Жуковская, доктор исторических наук (Россия, Москва)
А. П. Забияко, доктор философских наук (Россия, Благовещенск)
А. А. Тишкин, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)
Н. А. Томилов, доктор исторических наук (Россия, Омск)
Т. Д. Скрынникова, доктор исторических наук (Россия, Санкт-Петербург)
О. М. Хомушку, доктор философских наук (Россия, Кызыл)
Л. И. Шерстова, доктор исторических наук (Россия, Томск)
Е. А. Шершинева (отв. секретарь), кандидат исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционный совет журнала:

- Л. Н. Ермоленко, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)
Ю. А. Лысенко, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)
Л. С. Марсадолов, доктор культурологии (Россия, Санкт-Петербург)
Г. Г. Пиков, доктор исторических наук, доктор культурологии (Россия, Новосибирск).
А. К. Погасий, доктор философских наук (Россия, Казань)
К. А. Руденко, доктор исторических наук (Россия, Казань)
С. А. Яценко, доктор исторических наук (Россия, Москва)
А. С. Жанбасинова, доктор исторических наук (Казахстан, Усть-Каменогорск)
Н. И. Осмонова, доктор философских наук (Кыргызстан, Бишкек)
Н. Цэдэв, кандидат педагогических наук (Монголия, Улан-Батор)
Ц. Степанов, доктор исторических наук (Болгария, София)
З. С. Самашев, доктор исторических наук (Казахстан, Астаны).

*Журнал утвержден научно-техническим советом
Алтайского государственного университета и зарегистрирован Комитетом РФ
по печати. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-69787 от 18.05.2017 г.
Все права защищены. Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть
перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.*

*Журнал подготовлен при частичной финансовой поддержке проекта Минобрнауки
РФ «Развитие этнорелигиозной ситуации в трансграничном пространстве Алтай,
Казахстана и Монголии в контексте государственно-конфессиональной политики:
исторический опыт и современные тенденции» (проект № 33.2177.2017/4.6).*

© Оформление. Издательство
Алтайского госуниверситета, 2018

ISSN 2542-2332

2018 №3 (16)

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2018

The journal was founded in 2007

Executive editor:

P. K. Dashkovskiy, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)

The editorial Board:

K. M. Baypakov, doctor of historical sciences, akademik (Kazakhstan, Alma-Ata)

S. A. Vasutin, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)

N. L. Zhukovskay, doctor of historical sciences (Russia, Moscow)

A. P. Zabayako, doctor of philosophical sciences (Russia, Blagoveshchensk)

A. A. Tishkin, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)

N. A. Tomilov, doctor of historical sciences (Russia, Omsk)

T. D. Skrynnikova, doctor of historical sciences (Russia, Saint-Petersburg)

O. M. Homushku, doctor of philosophy (Russia, Kyzyl)

L. I. Sherstova, doctor of historical sciences (Russia, Tomsk)

E. A. Shershneva (res s. secretary), candidate of historical sciences (Russia, Barnaul)

The journal editorial Board:

L. N. Yarmolenko, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)

U. A. Lusenko, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)

L. S. Marsadolov, doctor of Culturology (Russia, St. Petersburg)

G. G. Pikov, doctor of historical sciences, doctor of cultural studies (Russia, Novosibirsk)

A. K. Pogassiy, doctor of philosophical sciences (Russia, Kazan)

K. A. Rudenko, doctor of historical sciences (Russia, Kazan)

S. A. Yatsenko, doctor of historical sciences (Russia, Moscow)

A. S. Zhanbosynov, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Ust-Kamenogorsk)

N. I. Osmonova, candidate of philosophical sciences (Kyrgyzstan, Bishkek)

N. Cedeu, candidate of pedagogical sciences (Mongolia, Ulaanbaatar)

Ts. Stepanov, doctor of historical sciences (Bolgariy, Sofiy)

Z. S. Samashev, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Astana)

Approved for publication by the Joint Scientific and Technical Council of Altai State University. All rights reserved. No publication in whole or in part may be reproduced without the written permission of the authors or the publisher. Registered with the RF Committee on Printing. Registration certificate PI № ФС 77-69787. Registration date 18.05.2017.

The magazine was prepared with the partial financial support of the project Ministry of education and science of the Russian Federation (the project "Development of ethno-religious situation in cross-border space of Altai, Kazakhstan and Mongolia in the context of state-confessional policy: historical experience and modern trends", No. 33.2177.2017/4.6).

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Руденко К. А.</i> Булгарские золотые филигранные подвески с фигурками птиц: к вопросу о происхождении.....	7
<i>Нуржанов А. А., Крупко И. В.</i> Тюркская культура как уникальная среда и продукт этнокультурных импульсов Великого шелкового пути.....	22
<i>Ямаева Л. А.</i> Переднеазиатский след в этногенезе башкир.....	30
<i>Пиков Г. Г.</i> Судьба элиты кочевой империи после крушения государства (на примере восточноазиатской империи Ляо, 907–1125)	39

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Анисимова И. В.</i> Особенности организации опекунского дела в Степном крае в конце XIX — начале XX в.....	48
<i>Лысенко Ю. А.</i> Формирование национальных подразделений Красной армии Степного края и Туркестана в период Гражданской войны (1918–1922 гг.).....	59
<i>Чотаева Ч. Д.</i> Мультикультурализм города Бишкек: этничность и язык в советский и постсоветский периоды	75
<i>Стурова М. В.</i> Русско-казахские школы в системе государственного управления образовательным пространством Степного генерал- губернаторства начала XX в.	88

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

<i>Ярков А. П.</i> Ислам в Хакасии (в контексте идеи «все тюрки — мусульмане»).....	99
<i>Байтаков К. М., Терновая Г. А.</i> Манихейский комплекс во дворце средневекового города Кулан (VIII в.)	111

Раздел IV

НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ

<i>Дашковский П. К., Шершнева Е. А.</i> Национальная и гражданская идентичность: рабочая программа учебной дисциплины.....	130
---	-----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	146
---------------------------------	------------

ДЛЯ АВТОРОВ	148
--------------------------	------------

CONTENT

Section I

ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY

<i>Rudenko K. A.</i> Bulgarian golden filigrane pendants with bird figures: to the question of origin	7
<i>Nurzhanov A. A., Krupko I. V.</i> Turkic culture as a unique environment and product of ethnocultural impulses of the Great silk way	22
<i>Yamaeva L. A.</i> Asianminor trace in the ethnogeny of the bashkirs.....	30
<i>Pikov G. G.</i> The fate of the nomadic elite of the empire after the collapse of the state (for example, the east asian empire Liao, 907–1125).....	39

Section II

ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY

<i>Anisimova I. V.</i> Organisational features of guardianship in the Steppe region in the late XIX — early XX centuries.....	48
<i>Lysenko Y. A.</i> The formation of the Red army of the Steppe krai and Turkestan national units during the civil war (1918–1922).....	59
<i>Chotaeva Ch. D.</i> Multiculturalism of Bishkek city: ethnicity and language in soviet and post-soviet times	75
<i>Sturova M. V.</i> Russian-kazakh schools in the system of state administration	88

Section III

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

<i>Yarkov A. P.</i> Islam of the Khakasia (in the context of the idea of “all turks are muslims”)	99
<i>Baipakov K. M., Ternovaya G. A.</i> Manikhean complex in the palace of the medieval town Kulan (VIII c.).....	111

Section IV

SCIENCE AND EDUCATION

<i>Dashkovskiy P. K., Shershneva E. A.</i> National and civic identity: the working program of the discipline	130
--	-----

INFORMATION ABOUT CONFERENCES	146
--	-----

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	148
--	-----

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

УДК 93/94

И. В. Анисимова

Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ОПЕКУНСКОГО ДЕЛА В СТЕПНОМ КРАЕ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В.¹¹

Проводится анализ развития института опеки в Степном крае в конце XIX — начале XX в. Недостатки опекунского дела, отчетливо проявившиеся во внутренних губерниях России, с большей силой заявили о себе в национальных окраинах империи. Деятельность института опеки регламентировалась общеимперским законодательством, незавершенность которого привела к формированию вариативных практик организации опекунской части в регионе. Опекунское дело в Туркестанском крае и Степных областях находилось в компетенции судебных ведомств, а руководство опекунской частью было возложено на мировых судей. В конце XIX в. актуальным стал вопрос о распространении института опеки среди казахского населения. Было разработано несколько механизмов ведения опеки в казахском обществе. В 1904 г. Степным генерал-губернатором был предложен проект развития опекунской части по примеру опеки в крестьянской среде и усиления роли и функций крестьянских начальников. Однако отсутствие юридического определения опеки в казахском традиционном праве, сохранение института аменгерства вызывало существенные сложности в распространении общеимперских правовых институтов. В результате вплоть до 1917 г. в регионе так и не был выработан единый принцип деятельности опекунской части.

Ключевые слова: Российская империя, Степной край, казахи, институт опеки, законодательство, народный суд, адат.

---

¹¹ Статья подготовлена в рамках выполнения госзадания Минобрнауки РФ по теме «Развитие этнорелигиозной ситуации в трансграничном пространстве Алтая, Казахстана и Монголии в контексте государственно-конфессиональной политики: исторический опыт и современные тенденции» (проект № 33.2177.2017/4.6).

I. V. Anisimova

Altai State University, Barnaul (Russia)

ORGANISATIONAL FEATURES OF GUARDIANSHIP IN THE STEPPE REGION IN THE LATE XIX — EARLY XX CENTURIES

This article analyses the development of institute of guardianship in the Steppe region in the late XIX — early XX centuries. The performance of the guardianship institute was regulated by the common imperial legislation, the incomplete nature of which resulted into the formation of various practices of guardianship organisation in the region. Guardianship in Turkestan and the Steppe regions were in the judicial department's competence, while the guardianship governance was entrusted to the international judges. In the late XIX c. the issues of guardianship institute among the Kazakh population extension became topical. A number of mechanisms regarding the guardianship conduct in the Kazakh community were developed. In 1904, the Steppe Governor-General proposed the guardianship development project in the peasant environment and the reinforcement of peasant chiefs' role and functions. However, the lack of a legal definition of guardianship in Kazakh traditional law, the perseverance of emigration institute caused significant difficulties in spreading of common imperial legal institutes. As a result, up until 1917 the common principle of guardianship performance was not developed in the region.

Keywords: Russian Empire, Steppe region, Kazakhs, Institute of guardianship, legislation, people's court, Adat.

DOI: 10.14258/nreur (2018) 3-05

Анисимова Инна Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия). Адрес для контактов: iva0410@mail.ru

---

Важнейшим аспектом правовой системы государства исторически являлась охрана семьи, материнства и детства. Становление института опеки в России как формы защиты интересов детей, оставшихся без попечения родителей, приходится на XVIII в. В период правления Екатерины II в результате принятия указа об «Учреждения для управления губерний» учреждения, ведающие опекой над осиротевшими детьми, стали занимать заметное место в системе органов управления. Тогда же опека приобрела одну из своих главных черт — принцип сословности, являлась не единой организацией, а «англомератом как будто бы различных учреждений» [Нечаева, 2013: 4]. По закону 1775 г. опекой ведали особые учреждения в зависимости от сословной принадлежности осиротевшего ребенка, его опекуна, были созданы дворянская опека, сиротский суд и другие органы. Однако за рамками законодательства оставалось развитие данного института среди коренного населения имперских национальных окраинах.

Предпринятые Екатериной II шаги по развитию опеки и попечительства в России стали основополагающими вплоть до конца XIX в. Безусловно, государственной властью делались попытки модернизации имеющейся нормативно-правовой основы деятельности данного института, однако они были безуспешными. Не был утвержден проект положения 1810 г., разработанный законодательной комиссией во главе со М. М. Сперанским, проекты, разработанные в 1847, 1860, 1864 гг., также по разным причинам были отклонены Государственным советом. В целом, при признании необходимости обеспечения интересов детей, оставшихся без родителей, закон в основном регулировал отношения по конкретным конфликтным делам, а сам правовой институт опеки и попечительства полностью сформирован не был [Макарова, 2006: 5–8]. К концу XIX в. в основе формирования системы опекунских учреждений сохранялся сословный признак. Устройством дворянских детей занимались дворянские опеки, купеческих, мещанских, детей разночинцев — сиротские суды. Опека над сиротами — детьми представителей духовенства относилась к ведению епархиального попечительства о бедных духовного звания. Опека над крестьянскими детьми возлагалась не на государственный орган, а на крестьянское общество. Однако к концу XIX в. все очевиднее становилось несовершенство института опеки в России, причины которого виделись в нечеткости отношений опекунских учреждений и опекуна над личностью ребенка и сохранении принципа сословности. Неодновременное введение опекунских учреждений для всех сословий Российской империи в конце XVIII — первой половине XIX в. привело впоследствии к наличию большого количества недостатков, обнаружившихся при реализации опекунских постановлений на практике. В связи с этим государственная власть стояла перед необходимостью широкомасштабного реформирования законодательной базы по опеке и попечительству на основе принципа бессословности [Осипова, 2011: 147].

По опекунским делам губернии и области Российской империи делились на две категории: первая — это регионы, управляемые по Общему Учреждению, вторая, к которой относились Туркестанский край и Степные области, управлялись по Особному Учреждению, что в целом соответствовало организации системы местного управления в государстве [ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1926. Л. 9–11]. Недостатки опекунского дела, отчетливо проявившиеся во внутренних губерниях России, с большей силой заявили о себе в национальных окраинах империи. Постановка вопроса о реорганизации института опеки в Степном крае проходила в русле общеимперских тенденций реформирования законодательной базы института опеки и попечительства в отношении всех сословий Российской империи. Именно в конце XIX в. в органах управления Степного края стал активно обсуждаться вопрос о необходимости распространения общеимперской системы опекунства на казахское население региона.

Согласимся с мнением ряда исследователей, что проблема сиротства среди кочевого населения Туркестанского края и Степных областей не была первостепенной, так как малолетние сироты пользовались призранием родовых сообществ [Волков, 2017: 137]. Особый характер развития опекунского дела тесно связан и с традиционными семейно-брачными отношениями в казахском обществе. Как правило, вдову вторично выдавали замуж за ближайшего родственника умершего мужа, который и принимал на себя попечение над малолетними детьми и их имуществом. Рас-

пространенный в казахской среде обычай аменгерства, безусловно, вызывал особое осуждение со стороны русских чиновников. Родня покойного чаще всего назначала его вдове нового мужа, не спрашивая ее согласия и не обращая внимания на протесты ни с ее стороны, ни со стороны ее родственников. Иногда декларировалось право вдовы на выбор нового мужа среди родственников умершего, но осуществлялось это далеко не всегда [Стасевич, 2011: 80–81]. Таким образом, сироты оставались в семье, а их имуществом полностью распоряжалась родня умершего отца. Однако такой механизм шел вразрез с общероссийскими правовыми нормами. Политика государственной власти, направленная на интеграцию центральноазиатских национальных окраин в общеимперское пространство, делала необходимым унификацию действующих в Туркестанском крае и Степных областях судебно-правовых институтов [Лысенко и др., 2014].

Изначально сложности в организации опекунской части в Степных областях были вызваны отсутствием нормативно-правовой основы деятельности данного правового института. Частично деятельность института опеки регламентировалась Положением об управлении Туркестанского края 1886 г. и Положением об управлении Степными областями 1891 г. Важной особенностью опекунской части в Туркестанском крае и Степных областях было включение организации деятельности данного института опеки в компетенцию судебного ведомства. Заведование опекунской частью согласно Положению об управлении Туркестанского края 1886 г. было возложено на мировых судей. Существенными полномочиями были наделены областные суды, в том числе правом осуществления залога, продажи и отчуждения недвижимых имений малолетних [ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 2097. Л. 21]. Организация опекунского дела среди местного оседлого и кочевого населения находилась в компетенции народного суда. За назначение опекунов к малолетним и их имуществу отвечали участковые судьи, деятельность которых была подконтрольна съезду народных судей [Положение..., 1886]. Положение об управлении Степными областями 1891 г. в плане организации опекунской части полностью апеллировало к Туркестанскому положению [Положение..., 1891: 969] Статьи, регламентирующие учреждение опеки у казахского населения региона, включены в Положение 1891 г. не были, отчасти потому, что «опекунские дела регулируются родовым строем жизни кочевников и обычаями инородцев, не нуждаясь в законодательных определениях» [РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 85–1904. Л. 72]. Отсутствие разработанной нормативно-правовой основы и четкого механизма организации опеки среди казахского населения Степного края породило разнообразные практики реализации и требовало регламентации.

Одним из вариантов организации института опеки у казахов Степных областей рассматривался механизм деятельности опекунской части у крестьян Российской империи. Крестьянская опека регламентировалась рядом нормативно-правовых актов. В крестьянской среде обязанность учреждения опеки над личностью и имуществом, а равно ответственность за действия опекунов малолетних сирот лежала на сельском обществе, иногда опека устанавливалась сельским старостой, волостным старшиной, волостным правлением и волостным судом. Это зависело от практики, которая имела место в той или иной губернии [Макарова, 2006: 7]. Надзор за опекунами и рассмотрение жалоб на действия опекунов являлись компетенцией земского начальника, реше-

ния которого, в свою очередь, рассматривались и утверждались в Губернском присутствии. В целом, функции земского участкового начальника, который, по мнению ряда исследователей, «получил единоличное руководство в отношении крестьянской опеки», были достаточно широкими [Вьюнник, 2010: 139].

Распространенное в 1903 г. на Степные области Положение о крестьянских начальниках включало в себя ряд статей, целиком взятых из действующего во внутренних губерниях закона о земских начальниках. Согласно Положению в компетенцию крестьянских начальников входил широкий круг обязанностей: «Попечение о нуждах, забота и представительство об удовлетворении потребностей крестьянского и киргизского (казахского. — И. А.) населения, руководство экономической, а отчасти и духовной жизнью населения, поддержание внутреннего порядка в селениях и аулах, обеспечение каждому обывателю в крестьянском участке возможности спокойно, по вере и обычаям отцов, жить, работать и пользоваться плодами своего труда». Важное значение имели судебные полномочия крестьянских начальников и функции посредника «во взаимных отношениях обывателей» [Анисимова, Лысенко, 2015: 21]. В связи с этим именно к обязанностям крестьянских начальников переходили функции земских начальников по опекунской части, а также те права и обязанности по наблюдению за общественным управлением казахов, которые лежали на уездных начальниках согласно Положению 1891 г. об управлении Степными областями.

В августе 1904 г. вопрос о постановке опекунского дела у кочевого населения Степного края был рассмотрен на заседании Семипалатинского областного правления. В докладе подчеркивалось, что Степным Положением совершенно не регламентирована защита интересов сирот среди казахского населения. Практика, по заключению региональных чиновников, показывала, что дела об опеке либо вообще не заявляются, либо при их возникновении находятся во введении народных судей. Однако участие в данном деле последних вступает в противоречие с самой сутью института опеки, так как «забота о судьбе членов общества и охранение их интересов должны лежать, по принципу общинного строя аульных обществ, на самом обществе, роль же народного судьи в такого рода делах может быть допускаема лишь в качестве посредника между заинтересованными сторонами при разборе споров или исков» [ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 2097. Л. 27об.]. В связи с этим, по мнению Семипалатинского областного правления, более целесообразным выглядела бы передача организации и обеспечения опекунского дела аульным обществам, которые должны «по примеру сельских обществ установленным порядком избирать опекунов, поверять и следить за их действиями, заботиться о личности и имуществе сирот». Данной позиции придерживался и Съезд крестьянских начальников области, который признал необходимым передать попечение о малолетних сиротах в компетенцию аульных обществ и организовать дело по аналогии с сельскими обществами под контролем крестьянских начальников. Выбор в пользу аульных обществ был определен традиционными взглядами на родственные отношения, сложившиеся в казахском обществе. Согласно казахским обычаям, «дети-сироты находятся на воспитании ближайших родственников, которые по управлению имуществом малолетних наследников не дают никакой отчетности, а в случае растраты его отвечают перед судом биев, уплачивая стоимость и штраф. Опекунов из посторонних лиц не бывает, а если ближайшие родственни-

ки окажутся неблагонадежными, то старики-одноаульцы выбирают для опеки других лиц из дальних родственников» [ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 2097. Л. 32–33]. Такая, по мнению степного генерал-губернатора Н. Н. Сухотина, «несложная организация опекунского дела у киргиз, отличающаяся с первого взгляда как бы полным безучастием в этом деле общественных сил», соединяет в себе основные требования к организации института опеки, как-то участие в опеке ближайших родственников, общественная оценка деятельности опекунов и контроль за ними, судебная ответственность опекунов за сохранность вверенного имущества.

Однако проект передачи опекунских функций аульным обществам вызвал определенную критику со стороны региональной администрации в лице волостных управителей, которые подчеркивали, что «избрание опекуна аульным сходом возможно, но проверка опекунских отчетов для общества будет делом крайне затруднительным и едва ли выполнимым <...>. На практике могут быть такие недоразумения, что опекаемые имущества, не превышающие в большинстве случаев 100 руб., по оценке окажутся по отчетам недостаточными для содержания сирот на первые же два или три года, и тогда назначенный обществом опекун по представлении отчета в употреблении всего имущества на содержание сирот, или совершенно откажется от попечения над ними или потребует на содержание их средства от самого общества». Волостные управители также отмечали, что неуместно сравнивать опеку над имуществом среди русского крестьянства и в казахской семье, так как «у крестьян опека охраняет главным образом дом с усадьбой и земельный надел крестьянского двора, у киргизов ни того ни другого нет, землянка ценности не имеет, кибитка и скот имущество движимое; первая требует постоянного расхода на ремонт, а скот может давать доход только при заботливом уходе за ним» [РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 85–1904. Л. 82].

В сентябре 1904 г. Н. Н. Сухотин в своем обращении к военному губернатору Семипалатинской области А. С. Галкину подчеркивал, что «все эти условия, опираясь на обычай, настолько успешно охраняют в жизни интересы опекаемых, что жалоб и споров по опекам в степи почти не слышно» [ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 2097. Л. 32–33]. Однако, несмотря на в целом позитивную оценку опекунского дела у казахов, степной генерал-губернатор говорил о необходимости реорганизации института опеки во вверенном ему регионе. Недостатки традиционной системы виделись губернатору прежде всего в нерегулярности аульных сходов, полный и компетентный состав которых собирается не чаще одного раза в три года. В связи с этим, по мнению Н. Н. Сухотина, сохранение организации опекунских дел в традиционном виде приведет к негативным последствиям, в том числе к нескончаемой волоките в разрешении спорных дел, в незнании казахами основных положений закона об опеке и, как следствие, неправильности его применения и возможного распространении в степи «до сих пор неизвестного сутяжничества по опекунским делам, которое с удовольствием будут возбуждать и подогреть бродячие адвокаты» [ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 2097. Л. 32–33].

После длительного рассмотрения дела о состоянии опеки у кочевого казахского населения осенью 1904 г. Степным генерал-губернатором был издан приказ, направленный на регламентацию деятельности данного института.

Степной генерал-губернатор Н. Н. Сухотин подчеркивал, что развитие института опеки среди казахского населения возможно лишь при непосредственном участии кре-

стьянских начальников, что нашло отражение в содержании приказа, основные положения которого сводились к следующему:

«1) Опекунские дела у киргизов (казахов. — *И. А.*) ведутся по народным обычаям, но под ближайшим надзором крестьянских начальников, согласно п. 29 Высочайше утвержденного 2 июня 1898 г. Временного положения о Крестьянских начальниках <...>.

2) О всяком случае призрения путем опеки волостные управители должны доносить подлежащему крестьянскому начальнику, с поименованием тех лиц, которые по народным обычаям приняли на себя опекунство и кратким указанием количества и рода имущества <...>.

3) Всем опекам крестьянские начальники должны вести алфавитную книгу и при служебных разъездах по участку лично удостоверяться о ходе опекунского дела и состоянии имущества.

4) В случае недобросовестного ведения дела опекунами, крестьянские начальники делают распоряжения о замещении их, по указаниям почетных киргиз аула и стариков, другими лицами, согласно народным обычаям.

5) При утрате опекунами имущества, дело о возмещении убытков передается в народный суд, а избрание нового опекуна производится порядком, указанным в предыдущем параграфе» [РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 85–1904. Л. 2–2об.].

Однако, несмотря на принятие столь важного постановления, сложности в постановке опекунской части в Степных областях сохранялись. Более того, инициатива Степного генерал-губернатора об усилении роли крестьянских начальников в системе опеки среди казахского населения была поддержана не везде. В 1904 г. состоялся Первый областной съезд крестьянских начальников Уральской области, на котором отдельно рассматривался вопрос о постановке опекунского дела в Степном крае. В ходе обсуждения был заслушан доклад «Об опеке над личностью и имуществом малолетних сирот киргизского населения» крестьянского начальника 1-го участка Уральского уезда Ф. И. Тихомирова, в котором был представлен подробный анализ состояния института опеки в Степных областях [РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 85–1904. Л. 68об. — 75]. Прежде всего чиновник обращал внимание на особенности отношения к опеке в казахском обществе. В своем докладе Тихомиров обращал внимание в первую очередь на то, что «киргизам неизвестны опеки в том строгом смысле, как он определяется законом. По объяснению приглашенных мною на съезд в июне этого года представителей киргизских обществ всех волостей участка в лице волостных управителей, аульных старшин и волостных выборных, по одному от каждого аула, в целях охранения имущества малолетних сирот у киргизов, по обычаю и шариату делается так: осиротевшие малолетние принимаются на попечение ближайшего родственника, в распоряжение которого переходит все имущество. Никаких споров о наследственных делах до суда не доходит, если они и бывают, то оканчиваются добровольным соглашением между родственниками при участии посторонних наиболее влиятельных киргиз» [РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 85–1904. Л. 72]. В итоге, после рассмотрения дела на съезде было выработано единое мнение о том, что учреждение опек у казахов по правилам, установленным для крестьянских обществ, не имеет законного основания и практически невыполнимо [ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 2097. Л. 38].

Нерешенность проблемы оставляла ее открытой, при этом дискуссия продолжалась несколько лет. Региональные власти неоднократно говорили о сложности становления системы опеки и попечительства в Степных областях. Так, в январе 1907 г. военный губернатор Тургайской области А. А. Ломачевский подчеркивал, что кочевое население вверенной ему области совершенно не знакомо с институтом опеки. Военный губернатор объяснял это обстоятельство тем, что «малолетние сироты и вдовы рассматриваются киргизами как часть имущественного наследства, оставшегося после смерти кибитковладельца, которое по обычаю должен унаследовать ближайший родственник умершего. Последний принимает как все имущество, так и всю семью умершего в свою кибитку, женится на вдове и считает сирот своими детьми. До достижения ими совершеннолетия он их одевает, кормит, высватывает для мальчиков невест, платит за них калым, а девочек просватывает <...>. По достижении мальчиком совершеннолетия приемный отец выделяет ему часть имущества, снабжает кибиткой <...>, старается сделать его самостоятельным кибитковладельцем» [РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 85–1904. Л. 107]. Однако при всех возможных нарушениях имущественных интересов сирот, по мнению Ломачевского, такой способ призрения, когда опека возлагается на ближайших родственников, является для казахов оптимальным. В подтверждение своей позиции губернатор приводит сведения о минимальном количестве жалоб на действия родственников-опекунов, которые если и встречаются, то в виде гражданских исков достигшего совершеннолетия опекаемого. Данные иски рассматриваются в народном суде, который всегда оставляет исковые требования опекаемого без удовлетворения, «исходя из того правила, что «сыну» не следует предъявлять «отцу» исков».

В связи с этим, по мнению военного губернатора Тургайской области, рассуждать о реорганизации опекунской части в Степных областях, о приведении ее в рамки общеимперского законодательства безуспешно до тех пор, «пока родовые начала столь сильны в степи, пока установившийся жизнью обычай находит поддержку в народном суде, пока гражданские отношения кочевников не будут урегулированы точными законоположениями». Если и говорить о преобразованиях, то в первую очередь необходимо подвергнуть реорганизации народный суд, «впредь до осуществления этих условий всякое вмешательство лиц, служащих по крестьянским учреждениям, в дела опеки будет рассматриваться населением как нарушение его прав, основанных на обычае, по которому родственник опекун есть полновластный собственник сиротского имущества, а более или менее действительный контроль со стороны крестьянских начальников за имуществом опекаемых вызовет недовольство опекунов, могущее повлечь за собой даже отказ в дальнейшем призрении сирот, в особенности если они бедны» [РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 85–1904. Л. 108].

Иной позиции придерживался военный губернатор Семипалатинской области А. С. Галкин. В циркуляре, адресованном крестьянским начальникам области, весной 1907 г. Галкин подчеркивал, что исполнение в полной мере разработанных Степным генерал-губернатором правил в отношении защиты малолетних сирот сможет с достаточной гарантией охранять интересы малолетних. Семипалатинский губернатор указывал на растущие жалобы со стороны вдов о принуждении их к повторному выходу замуж за ближайшего родственника умершего мужа и насильный захват принадлежащего им и их детям имущества. Выходом из сложившейся ситуации, по мнению

губернатора, может стать переход от формализма и фактическое усиление надзорных функции крестьянских начальников «за туземной администрацией и народным судом» [РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 85–1904. Л. 112–112об.].

Летом 1909 г. по инициативе министерства внутренних дел была проведена ревизия крестьянских учреждений Степного края, в материалах которой содержался отчет о постановке опекунской части среди казахского населения региона. Выводы ревизионной комиссии были неутешительными. По мнению чиновников, опекунское дело в казахских обществах было поставлено крайне неудовлетворительно: «опек почти не заводится, а если иногда такие попадаются, то постановка их чрезвычайно разнообразна; с одной стороны, опеки учреждаются по распоряжениям крестьянских начальников с назначением ими же опекунов по правилам, изложенным в циркуляре (Степного генерал-губернатора) от 6 сентября 1904 г., как, например, в Акмолинской области; с другой стороны, к этому делу привлечены киргизские общества и их съезды, как это практикуется в Семипалатинской области <...>. Иногда этими делами ведают народные судьи, в большинстве же случаев дела эти не имеют никакой постановки» [РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 85–1904. Л. 114]. Деятельность народных судей вызывала особую критику со стороны региональной администрации. По мнению чиновников, «народные судьи при низком умственном развитии и своеобразном понимании своего судейского достоинства давно приобрели печальную репутацию даже среди своих соплеменников, а при таких условиях нет, казалось бы, оснований рассчитывать на их объективность в разрешении тяжб по сиротских делам и на их полное беспристрастие и справедливость» [РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 85–1904. Л. 115]. Безусловно, отсутствие единой нормативно-правовой основы и единого механизма организации опекунского дела в регионе приводили к неэффективности проводимых мероприятий и нарушению основного принципа института опеки — защиты интересов детей, оставшихся без попечения родителей.

В связи с этим важным стало мнение министра внутренних дел П. А. Столыпина, высказанное осенью 1909 г. в обращении к Степному генерал-губернатору Е. О. Шмитту, о необходимости унификации опекунского дела среди казахского населения с общеимперским процессом. В частности, П. А. Столыпин подчеркивал, что «как на сельских обществах лежат заботы по призрению малолетних сирот, а на сходах — обязанность назначать к сиротам и их имуществу опекунов, поверять их распоряжения и отвечать материально за их действия перед сиротами, то, несомненно, те же права и обязанности должны лежать и на киргизских обществах с соответствующим надзором крестьянских начальников» [РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 85–1904. Л. 115–115 об.].

Однако, несмотря на мнение Министерства внутренних дел, в Степном крае продолжало действовать несколько практик организации опекунского дела, а процесс реорганизации института опеки шел крайне медленно. Отчасти это было связано с неудачными попытками реализации общеимперского опекунского проекта 1915 г., который был разработан Межведомственным совещанием под председательством министра юстиции И. Е. Ильешенко. Не меньше значение оказывало и сохранение норм адата в регламентации семейно-брачных отношений казахов. Определенную роль сыграл и падающий авторитет в Степном крае крестьянских начальников, недовольство деятельностью которых наблюдалось во всех без исключения уездах Степных областей [Анисимова, Лысен-

ко, 2015: 23]. На протяжении конца XIX — начала XX в. центральные и региональные органы власти уделяли серьезное внимание проблеме детского сиротства и стремились найти оптимальные для казахского кочевого общества формы организации и деятельности института опеки. Однако провести в полной мере реорганизацию опекунской части в Степных областях вплоть до конца имперского периода так и не удалось.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Анисимова И. В., Лысенко Ю. А. Введение института крестьянских начальников в Степном крае в начале XX в. и особенности его деятельности // Известия Алтайского гос. ун-та. 2015. № 4/1. С. 20–24. DOI 10.14258/izvasu (2015) 4.1–02.

Волков И. В. Об учреждениях общественного призрения в Туркестанском крае: историко-правовой аспект // Власть. 2017. № 12. С. 137–142.

Вьюнник Е. П. Правовой механизм социальной помощи детям-сиротам сельских обывателей в Центральном Черноземье во второй половине XIX — начале XX вв. // Научные ведомости Белгородского гос. ун-та. Серия: История. Политология. 2010. № 16. С. 137–144.

Лысенко Ю. А. и др. Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX — начало XX в.) / Ю. А. Лысенко, И. В. Анисимова, Е. В. Тарасова, М. В. Стурова. Барнаул : Азбука, 2014. 271 с.

Макарова С. В. Институт опеки и попечительства над несовершеннолетними детьми: история его становления в России // Вопросы ювенальной юстиции. 2006. № 1. С. 5–8.

Нечаева А. М. История законодательства об опеке и попечительстве над несовершеннолетними // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 4. С. 3–8.

Осипова М. П. Законодательные инициативы конца XIX — начала XX века об опеке в крестьянской среде // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 3/2. С. 147–151.

Положение об управлении областей Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской от 25 марта 1891 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при правительствующем Сенате. 1891. Первое полугодие. № 46. СПб., 1891.

Положение об управлении Туркестанского края 1886 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://semirechye.rusarchives.ru/zakonodatelstvo-ob-upravlenii-turkestanskim-kraem/polozhenie-ob-upravlenii-turkestanskogo-kraaya> (дата обращения: 15.02.2018).

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1291.

Стасевич И. В. Социальный статус женщины у казахов: традиции и современность. СПб. : Наука, 2011. 199 с.

Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 64.

REFERENCES

Anisimova I. V., Lysenko Yu. A. Vvedenie instituta krest'ianskikh nachal'nikov v Stepnom krae v nachale XX v. i osobennosti ego deiatel'nosti [The Introduction of Institution of Peasant Chiefs in the Steppe Region at the Beginning of the XXth Century and the Peculiarities of its

Activity]. *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta* [News of the Altai State University]. 2015. № 4/1. S. 20–24 (in Russian).

Lyisenko Yu. A. et al. *Traditsionnoe kazakhskoe obshchestvo v natsional'noi politike Rossiiskoi imperii: kontseptual'nye osnovy i mekhanizmy realizatsii (XIX — nachalo XX v.)* [Traditional Kazakh society in the national policy of the Russian Empire: conceptual framework and mechanisms of the implementation (XIX — the beginning of the XX c.)] / Yu. A. Lyisenko, I. V. Anisimova, E. V. Tarasova, M. V. Sturova. Barnaul : AZBUKA, 2014. 271 s. (in Russian).

Makarova S. V. Institut opeki i popechitel'stva nad nesovershennoletnimi det'mi: istoriia ego stanovleniia v Rossii [The institution of guardianship and trusteeship of a minor childrens: history of becoming in Russia]. *Voprosy iuvenal'noi iustitsii* [Issues of Juvenile Justice]. 2006. № 1. S. 5–8 (in Russian).

Nechaeva A. M. Istoriia zakonodatel'stva ob opeke i popechitel'stve nad nesovershennoletnimi [History of the guardianship and trusteeship legislation of a minor childrens]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [The laws of Russia: experience, analysis, practice]. 2013. № 4. S. 3–8 (in Russian).

Osipova M. P. Zakonodatel'nye initsiativy kontsa XIX — nachala XX veka ob opeke v krest'ianskoi srede [Legislative intuitive guardianship in peasant society of the late 19th — early 20th century]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, culturology and art history. Issues of theory and practice]. 2011. № 3–2. S. 147–151 (in Russian).

Polozhenie ob upravlenii oblastei Akmolinskoi, Semipalatinskoi, Semirechenskoi, Ural'skoi i Turgaiskoi ot 25 marta 1891 g. [Governance statement of the Urals, Turgai, Akmola and Semipalatinsk regions (March 25, 1891)]. *Sobranie uzakonenii i rasporyazhenii pravitel'stva, izdavaemoe pri pravitel'stvuiushchem Senate. 1891. Pervoe polugodie* [Code of justice and orders of the government, published under the ruling Senate. 1891. The first half of the year]. № 46. SPb., 1891 (in Russian).

Polozhenie ob upravlenii Turkestanskogo kraia 1886 g. [Governance statement of the Turkestan Territory in 1886] Available at: <http://semirechye.rusarchives.ru/zakonodatelstvo-ob-upravlenii-turkestanskim-kraem/polozhenie-ob-upravlenii-turkestanskogo-kraia> (in Russian).

Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [The Russian state historical archive]. [RGIA]. Fund 1291.

Stasevich I. V. *Sotsial'nyi status zhenshchiny u kazakhov: traditsii i sovremennost'* [The Kazakhs woman's social status: traditions and modernity]. SPb., Nauka, 2011. 199 s. (in Russian).

Tsentrāl'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central state archive of the Republic of Kazakhstan]. [TzGA RK]. Fund 64.

V'iunnik E. P. Pravovoi mekhanizm sotsial'noi pomoshchi detiam-sirotam sel'skikh obyvatel'ei v Tsentrāl'nom Chernozem'e vo vtoroi polovine XIX — nachale XX vv. [A legal mechanism of social assistance for orphans of villagers in the Central Black Earth region in the second half of the 19th century — in the early 20th century]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriia. Politologiia* [Belgorod State University Scientific Bulletin. Series: History. Political science.]. 2010. № 16. S. 137–144 (in Russian).

Volkov I. V. Ob uchrezhdeniiakh obshchestvennogo prizreniia v Turkestanskom krae: istoriko-pravovoi aspekt [About formation of a public charity in the Turkistan region: historical and legal aspect]. *Vlast'* [The Authority]. 2017. № 12. S. 137–142 (in Russian).

УДК 93/94

Ю. А. Лысенко

Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)

ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ КРАСНОЙ АРМИИ СТЕПНОГО КРАЯ И ТУРКЕСТАНА В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1918–1922 гг.)¹²

На основе источников законодательного характера и делопроизводственной документации анализируется процесс формирования национальных воинских частей Красной армии из числа коренных народов Степного края и Туркестана в период Гражданской войны 1918–1922 гг. Выявлено, что на протяжении 1918 г., в условиях ликвидации советской власти на большей части территории региона, определенных успехов в данном вопросе большевикам добиться не удалось. Положительная динамика процесса наметилась в первой половине 1919 г. благодаря успехам Красной армии на Восточном и Туркестанском фронтах. Не менее важным фактором успешной мобилизации мусульманского населения в ряды Красной армии стало проведение среди него масштабной политико-пропагандистской работы Коммунистической партии Туркестана. При этом большевики пошли по пути создания воинских подразделений на этнической, а не конфессиональной основе. Данная тактика выстраивалась в общую логику процесса национально-государственного строительства в регионе и учитывала интересы этноэлит, убежденных, что наличие воинских формирований, представлявших их этнос, является символом национальной идентичности и залогом сохранения государственной и культурной независимости.

Ключевые слова: Гражданская война, Красная армия, Степной край, Туркестан, мусульманские воинские части.

¹² Работа выполнена в рамках госзадания Минобрнауки РФ по теме «Развитие этнорелигиозной ситуации в трансграничном пространстве Алтая, Казахстана и Монголии в контексте государственно-конфессиональной политики: исторический опыт и современные тенденции» (проект № 33.2177.2017/4.6) и при поддержке РФФИ, проект 17–81–01007 «Социально-политические процессы в Степном крае и Туркестане в период Гражданской войны и отражение данных событий в исторической памяти населения постсоветской Центральной Азии (1918–1922 гг.)».